

ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК И ПРАСЛАВЯНСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ*

Известный русский славист А. Гильфердинг в одной из своих статей 1863 года писал: „Без литовского языка научное исследование славянского невозможно, немислимо, и одна из главнейших причин тех ошибок, в которые впадали некоторые наши ученые, рассуждавшие о законах и свойствах славянской речи, состоит именно в том, что они не брали в соображение фактов, представляемых языком литовским“¹.

Со времени появления статьи А. Гильфердинга прошло более 100 лет. В наши дни уже никто не сомневается в том, что для серьезной научной работы в области исторической грамматики, особенно при обращении к праславянским реконструкциям, слависту совершенно необходимо основательное знание литовского языка. К сожалению, однако, заявления о первостепенной важности литовского языка для славистики часто носят декларативный характер, а блестящий пример Б. А. Ларина, сочетавшего глубочайшую эрудицию в области русского и славянского языкознания с фундаментальным знанием литовского языка и его диалектов, остается у нас случаем уникальным.

Уже давно установлено, что из всех индоевропейских языков — как живых, так и известных нам мертвых — балтийские языки находятся в наиболее тесном родстве с языками славянскими. А. Вайян, например, даже полагает, что в наши дни балтийские языки отличаются от славянских не более, чем шведский от немецкого²; а В. Пизани считает, что литовский язык относится к русскому, как немецкий к норвежскому³. Статистические подсчеты, при которых принимались во внимание различного рода изоглоссы, несмотря на известную условность и субъективизм в подборе материала, показали, что

* Доклад, прочитанный в Ленинградском университете на заседании 17 января 1973 г., посвященном памяти действительного члена АН Литовской ССР профессора Б. А. Ларина.

¹ А. Гильфердинг, *Литва и Жмудь*, — Собрание сочинений, II, С. Петербург, 1868, 367.

² A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, I, Lyon — Paris, 1950, 14.

³ V. Pisani, *Balto e slavo*, — *StB* II (1932) 19.

коэффициент балто-славянской группы может быть поставлен рядом и даже несколько превышает коэффициент группы индо-иранской (эти коэффициенты соответственно равны 92 и 91)⁴, хотя исключительная близость индийских и иранских языков, казалось бы, находится „вне конкуренции“.

Одно из аксиоматических положений сравнительно-исторического языкознания заключается в том, что чем ближе в генетическом отношении тот или иной язык находится к данному языку, тем бóльшую ценность представляет он для сравнительно-исторических реконструкций. В этом плане значение литовского языка для праславянских реконструкций и для исследований по исторической грамматике русского и других славянских языков было бы трудно переоценить. И все же тесная генетическая близость литовского и славянских языков — это не самое главное в интересующем нас вопросе. Гораздо важнее здесь другое.

В последние годы целый ряд ученых — как у нас, так и за рубежом — выдвинули серьезные аргументы в пользу того, что славянские языки явились результатом преобразования языков балтийских. Так, В. В. Иванов и В. Н. Топоров отмечают, что модели древнейших состояний балтийских и славянских языков не могут быть отнесены к одной и той же временной плоскости. Отношения между этими моделями таковы, что славянскую модель следует рассматривать как результат преобразования модели балтийской⁵. Отсюда делается вывод о том, что праславянский оформился как окраинный западнобалтский диалект⁶. В пользу этой идеи о вторичном характере славянских языков в сравнении с балтийскими высказывались Г. Шаль⁷, В. Пизани (славянский — это „иранизированный балтийский“)⁸ и, в более осторожной форме, — В. Мажюлис⁹.

⁴ A. L. Kroeber, C. D. Chrétien, *Quantitative Classification of Indo-European Languages*, — *Language* XIII 2 (1937) 83—103.

⁵ В. В. Иванов, В. Н. Топоров, К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков, Москва, 1958, 38—39. Та же работа опубликована в „Исследованиях по славянскому языкознанию“, Москва, 1961, 302—305. Точку зрения В. В. Иванова и В. Н. Топорова разделяет польский языковед Л. Оссовский, который прямо пишет о том, что „славянские языки возникли из балтийских“ и что, „говоря о балто-славянах, приходится иметь в виду балтов, живущих в эпоху, когда славяне еще не существовали“ (Л. Оссовский, *Западное Полесье — прародина славян*, — *ВЯ* 1971 1 112—113).

⁶ В. Н. Топоров, К проблеме балто-славянских языковых отношений, — *Актуальные проблемы славяноведения*, Москва, 1961, 211—218.

⁷ H. Schal, *Baltische Gewässernamen im Flußsystem „Obere Havel“*, — *Baltistica* II (1966) 7.

⁸ V. Pisani, *Rom und die Balten*, — *Baltistica* IV (1968) 13, 14.

⁹ В. Мажюлис, *Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу*, Москва, 1964, 2. Впрочем, в своей книге „*Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai*“ (Vilnius, 1970, 24—25) В. Мажюлис прямо присоединяется к точке зрения В. В. Иванова и В. Н. Топорова.

Не вдаваясь в подробности сложного вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков, замечу только, что значительно бóльшая архаичность балтийской языковой модели по сравнению со славянской может быть объяснена и иначе — не обязательно с помощью гипотезы о происхождении славянских языков из балтийских. Например, выделившаяся из единой балто-славянской общности группа будущих балтийских языков, заняв периферийное положение, могла основательно законсервироваться и сохранить множество архаичных черт, включая значительную диалектную дробность. На будущем же славянском ареале, как это обычно для центрального ареала вообще, языковые изменения могли протекать значительно более интенсивно. В итоге возникают две модели — балтийская и славянская, из которых одна в структурном плане является производной от другой, хотя это совсем не означает, что славянские языки произошли из балтийских. В принципе возможны и иные точки зрения на проблему древнейших балто-славянских языковых отношений. Но для праславянских реконструкций вопрос о генетических отношениях между балтийскими и славянскими языками (в плане „приоритета“ тех или иных языков) является сравнительно второстепенным. Гораздо важнее здесь структурные отношения между этими языками.

В 1958 году болгарский ученый В. Георгиев писал: „Между балтийским и славянским существует настолько большая близость, что консервативный в области фонетики и морфологии литовский язык может в известной мере заменить незасвидетельствованный праславянский язык“¹⁰. Это высказывание в свое время некоторыми учеными было воспринято как парадокс, и его цитировали обычно для того, чтобы полемизировать с В. Георгиевым, забывая при этом существенную оговорку автора („в известной мере“). Между тем перед нами — все та же идея о вторичном характере славянской языковой модели в том смысле, что многие черты, типичные для современного литовского языка, отражают примерно то состояние, которое славянскими языками было достигнуто еще в праславянскую эпоху. Не случайно поэтому многие формы, которые даются в работах по исторической грамматике славянских языков под звездочкой, продолжают функционировать в современном литовском языке в качестве вполне реальных „живых“ слов. А отсюда вполне понятным становится тот факт, что проверка на литовском материале во многих случаях может служить гарантией надежности праславянских реконструкций в области исторической фонетики, морфологии, словообразования, лексикологии.

¹⁰ Материалы к IV Международному съезду славистов, — ВЯ 1958 1 50.

Рассмотрим в только что перечисленном порядке некоторые примеры (в том числе и спорные) праславянских реконструкций.

а) Фонетика

Начнем с простого примера. Возьмем древнерусское слово *рука* в дательном падеже единст. числа: *руцѣ*. Как известно, здесь гласный *у* в корне восходит к „юсу большому“, который отражал назализованный гласный, в свою очередь, восходящий к сочетанию *a* (*o*) плюс *n* в закрытом слоге. Звук *ц* в форме *руцѣ* явился результатом второй палатализации, а поэтому (если ограничиваться внутриславянскими аргументами) конечное *ѣ* восходит не к долготу **ē*, а к дифтонгу **ai* (< **-āi*, ибо основа существительных типа *рука* оканчивалась на **-ā*). Следовательно, внутренняя реконструкция дает нам возможность восстановить праславянскую форму **rankai* (или **ronkai*). В литовском языке то же самое слово, причем не в прабалтскую эпоху, а в наши дни, имеет форму *raĩkai*. Примеров подобного рода можно было бы привести великое множество.

Но все это будут примеры достаточно простые и очевидные. Возьмем теперь случай более сложный и спорный. Еще Ф. Миклошич писал о наличии в праславянском языке заменительного удлинения гласных (*compensatorische Dehnung, Ersatzdehnung*)¹¹. Отдельные примеры заменительного удлинения гласных в праславянском можно найти в работах Р. Ф. Брандта, Н. В. Крушевского, А. И. Соболевского, Ф. Лорентца, Й. Микколы, П. С. Кузнецова и других исследователей. Однако в последнее время многие слависты (А. Вайан, С. Б. Бернштейн, О. Н. Трубачев и др.) склонны относиться отрицательно к идее о наличии заменительного удлинения гласных в праславянском. Что в этом плане может дать нам сравнение с материалом литовского и других балтийских языков?

Рассмотрим только один случай: удлинение краткого гласного после выпадения следующего за ним носового *n* (реже *m*). Подобное удлинение встречается в германских¹², кельтских¹³, греческом¹⁴, древнеиндийском¹⁵, балтийс-

¹¹ F. Miklosich, *Über die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slavischen Sprachen*, Wien, 1878.

¹² Э. Прокош, *Сравнительная грамматика германских языков*, Москва, 1954, 81; *Сравнительная грамматика германских языков в пяти томах*, II, Москва, 1962, 133.

¹³ J. Schmidt, *Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus*, I, Weimar, 1871, 97–98; Г. Льюис и Х. Педерсен, *Краткая сравнительная грамматика кельтских языков*, Москва, 1954, 81.

¹⁴ J. Schmidt, *ук. соч.*, I, 120 сл.

¹⁵ Там же, I, 131.

ких¹⁶ и других индоевропейских языках. Вот некоторые примеры из балтийских языков: лит. диалект. *rindà* „ряд“ — лтш. *rīdā* (*loc. sing.*), лит. *minkštas* — лтш. *mīkstis* „мягкий“, лтш. *dziņtars* (куронизм) и *dzītars* „янтарь“, лит. *(pa)uñksmė* — *ūksmė* „тень“, литовский суффикс *-ing(as)* — латышский суффикс *-īg(s)*, например: лит. *laimingas* — лтш. *laīmīgs* „счастливый“ и др. Литовским сочетаниям *in, un* перед согласным, как правило, соответствует долгий гласный без *n* в латышском языке.

Та же самая картина в ряде случаев наблюдается при сопоставлении литовских примеров со славянскими: лит. *lūnkas* — русск. *лыко* (*лык- < *lūk-*, ср. лтш. *lūks*)¹⁷. Интересно отметить, что литовский и латышский языки, утратившие средний род, представлены формами мужского рода (*lūnkas* — *lūks*), а древнепрусское слово *lunkan*, как и в славянском, относится к среднему роду.

Не останавливаясь на других частных примерах, отметим лишь аналогичное фонетическое отношение между литовскими и славянскими словами в рамках целой словообразовательной модели. Подобно тому, как литовскому суффиксу *-ing(as)* в латышском языке соответствует суффикс *-īg(s)* (с долгим *ī*), литовскому суффиксу *-iñk(as)* будет соответствовать славянский суффикс *-ик(ъ)* (также с долгим *ī*)¹⁸: лит. *sōdin-inkas, vārin-inkas* — русск. *садовн-икъ, медн-икъ*.

Рассмотренные случаи заменительного удлинения гласных в праславянском могут дать объяснение целому ряду особенностей исторической фонетики и морфологии славянских языков. Взять хотя бы довольно многочисленные случаи чередования *а* (*я*) и *ѣ* в старославянском и древнерусском языках: *мазѣра* / *мѣзѣра*, *мазѣга* / *мѣзѣга*, *прамо* / *прѣмо* и др. Это чередование могло возникнуть как результат двойного отражения исходного *en* (*em*) в закрытом слоге: *en > e > 1) а (>я)* и 2) *ѣ*. Переход назализованного

¹⁶ J. Endzelin, *Lettische Grammatik*, Heidelberg, 1923, 119; E. Fraenkel, *Die baltischen Sprachen, ihre Beziehungen zu einander und zu den indogermanischen Schwesteridiomen als Einführung in die baltische Sprachwissenschaft*, Heidelberg, 1950, 51.

¹⁷ Примечание (отв. ред.): монофтонгизационное сравнение русск. сл. *л-ы-ко* с лтш. *l-ū-ks* неправомерно, поскольку балт. **-un-* дает только лтш. (литер.) *-ū-*, а из сл. **-un-* в аналогичной позиции регулярно получается русск. *-у-* и (если принимать известную гипотезу, которой придерживается и автор статьи) нерегулярно русск. *-ы-*. К тому же сама гипотеза, допускающая переход сл. **un* → русск. *ы* или подобные переходы других дифтонгов, нам (и не только нам) представляется весьма подозрительной. Что касается приводимого автором соотношения лит. *(pa)uñksmė* с лит. *ūksmė*, то оно, на самом деле, имеет иной характер, чем соотношение лит. *minkštas* с лтш. *mīkstis* или лтш. *dziņtars* (куронизм!) с лтш. *dzītars* и т.п.

¹⁸ Примечание (отв. ред.): в литовских говорах имеется не только суффикс *-nink-*, но и *-nyk-* (= ст.-сл. *-nik-*), который нельзя фонетически свести к *-nink-*.

ę в ē долгое, кстати, является обычной нормой в литовском языке. Это важно отметить потому, что древние фонетические реконструкции являются наиболее убедительными в тех случаях, когда они опираются на фонетические закономерности, засвидетельствованные в живых языках¹⁹.

Опираясь на аналогичные случаи развития сочетаний краткого гласного с носовым, В. Н. Топоров предложил новую оригинальную этимологию слова *рыба*²⁰. Это слово он возводит к корню **rem-bh- | *rom-bh- | *rṃ-bh-*, производными которого являются такие слова, как лит. *ru̯mbas* „рубец, шрам“, русск. *рубить, рябой* и др. Иначе говоря, слово **rum-b(h)ā* этимологически означает „рябая, пестрая“ (буквально: „выщербленная“). В реконструкции **rum-b-ā > рыба* В. Н. Топоров оставляет открытым вопрос о том, шло ли здесь фонетическое развитие по пути **um > *ū > ы* (заменительное удлинение) или **um > *ūm > *ū > ы* (позиционное удлинение). Однако наличие лит. *ūksmė* и *(pa)unksmė* — при отсутствии **ūnksmė* — говорит, по-видимому, в пользу первой из приведенных реконструкций (ср. также *-iñkas, -ỹkas*, но не **-ynkas*)²¹.

Закономерность, наиболее четко выступающая при сравнении славянского материала с балтийским, может быть прослежена и в случае сопоставления с другими индоевропейскими языками: лат. *grandō* „град“ — ст.-слав. ГРАДЪ (А < **an*); лат. *ventus* „ветер“ — ст.-слав. ВѢТРЪ (*ḃ* < **en*), ср. также лит. *vėtra* „буря“; лат. *mensis* „месяц“ — ст.-слав. МѢС-АЦЪ (*ḃ* < **en*)²².

б) Морфология

Реконструируя парадигму праславянского склонения, мы на каждом шагу вынуждены обращаться к материалу балтийских языков. Примеры типа *dat. sing. др.-русск. рѹцѣ < *ronkai* (ср. лит. *raiñkai*) или *nom. pl.*

¹⁹ Эту идею еще в XIX веке развивали, в частности, представители Казанской лингвистической школы. См., например: Н. В. Крушевский, Очерки по языковедению, II, Варшава, 1893, 47.

²⁰ В. Н. Топоров, Из праславянской этимологии, — Этимологические исследования по русскому языку, вып. I, изд. МГУ, 1960, 5—11. Ср. также: В. Н. Топоров, К этимологии слав. *myslb*, — Этимология, Москва, 1963, 5—13.

²¹ Интересно отметить, что причастия русских (славянских) глаголов типа *мыти, рыти* образуются только с помощью суффиксального **-t-*, но не **-n-*: (за)бы-т-ый, мы-т-ый, (за)ры-т-ый. В то же время мы имеем да-т- и да-н-, тка-т- и тка-н-, коло-т- и коло-н- и т. п.

²² В свете изложенного совершенно очевидной представляется несостоятельность объяснения, согласно которому в лат. *mensis* (сравнительно со ст.-слав. МѢСАЦЪ) мы имеем дело с „перестановкой зубных *ns*“ (?!). См. П. Я. Черных, Очерк русской исторической лексикологии (Древнерусский период), Москва, 1956, 53.

ст.-слав. ВЛЬЦИ < *vilkoī (ср. лит. vilkaī) — достаточно „прозрачны“. Более сложный случай представляет собой окончание асс. pl. основ на *e / *o в славянских языках. Поскольку основа этих существительных оканчивается на краткое *-o, а собственно окончанием является -ns, мы должны реконструировать в качестве исходной форму асс. pl. на *-ons (др.-прусс. -ans, гот. -ans, греч. дорийск. -ovς) с последующим изменением сначала в *-uns (огубление под влиянием носового n), затем — в *-ūs и, наконец, -bi²³. В приведенной реконструкции наиболее важным представляется изменение *-uns > *-ūs с тем же самым заменительным удлинением, что и в рассмотренных выше случаях.

В. Мажюлис в своей фундаментальной книге „Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai“ именно на основании анализа морфологических данных пришел к важному заключению о том, что генетическая близость балтийских и славянских языков была более тесной, чем считают многие языковеды²⁴. Книга В. Мажюлиса содержит богатейший материал, свидетельствующий о том, что праславянские морфологические реконструкции лишаются всякого смысла без самого широкого привлечения материала балтийских языков. Эта книга освобождает автора от необходимости приводить какие-то дополнительные данные из сферы исторической морфологии.

в) Словообразование

Балто-славянские словообразовательные изоглоссы весьма многочисленны и хорошо известны. Особый интерес представляют случаи, когда целый „пучок“ словообразовательных изоглосс пересекается с той или иной изоглоссой лексической. Например:

1) лит. rankà „рука“	— др.-русс. рука,
лит. rankóvė „рукав“	— др.-русс. рукавъ,
лит. apìrankė	— др.-русс. об-ручь
лтш. ap-rùose „браслет“	„кольцо, браслет“,

²³ А. И. Соболевский, Общеславянские изменения звуков, — РФВ XXII (1889) 7; J. Mikkola, Lit. gysla „Ader“ und die Behandlung der Verbindungen in, un, im, um im Slavischen, — ВВ XXII (1896) 253; В. Н. Топоров, Из праславянской этимологии, 10; W. R. Schmalstieg, A Note on Certain Balto-Slavic Accusatives, — Baltistica III (1967) 49. Иное объяснение принято в работах: И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911, 167 слл.; J. Endzelin, Lettische Grammatik, Riga, 1922, 299; J. Endzelynas, Baltų kalbų garsai ir formos, Vilnius, 1957, 107; V. Mažiulis, Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija), Vilnius, 1970, 185 слл.

²⁴ V. Mažiulis, ук. соч., 319 слл.

лтш. *ruôcis* „рукоятка, ручка“ — словен. *roč*, др.-русск.

ручь-ка то же;

2) лит. <i>siūti</i> „шить“	— др.-русск. <i>шити</i> ,
лит. <i>siuvikis</i> „портной“	— др.-русск. <i>швьць</i> ,
лит. <i>siuvėjas</i> „портной“	— др.-русск. <i>швѣи</i> ,
лит. <i>siuvėja</i> „швея“	— др.-русск. <i>швѣя</i> .

Подобного рода „комплексные“ изоглоссы особенно часто встречаются в языках, находящихся между собой в наиболее тесных родственных отношениях.

Нередко в рамках той или иной словообразовательной модели отдельные ее звенья оказываются утраченными. В этих случаях — при реконструкции утраченных праславянских словообразовательных звеньев — опять незаменимым оказывается балтийский и, в частности, литовский материал. Возьмем для иллюстрации такой, на первый взгляд, совсем нетрудный случай. Было ли образовано русск. *клад(ѣ)* от *кладу*, *класть* или наоборот? Нужно думать, что подавляющее большинство носителей русского языка чисто интуитивно ответят, что существительное *клад(ѣ)* было образовано от глагола *кладу*, *класть*. Кстати, именно так объясняется слово *клад* в „Кратком этимологическом словаре русского языка“ Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской (Москва, 1961, 149)²⁵. Обратимся, однако, к данным литовского языка.

Полным соответствием древнерусскому слову *кладѣ* является лит. *klōdas* „слой, пласт“, но литовское слово, безусловно, представляет собой производное от глагола *klōti* „стлать, укладывать“ (ср. *stōdas* „стадо“ — из *stōti* „стать“). Следовательно, слово *кладѣ* было образовано от простого балто-славянского глагола **klā-(ti)*, который сохранился в литовском, а в славянском был вытеснен вторичным глаголом *класти* (< **klād-ti*). В целом балто-славянская модель²⁶ может быть представлена следующим образом:

V^1 **klā-(ti)* (лит. *klōti*) → N^1 **klā-d-os* (лит. *klōdas*, русск. *кладѣ*) → V^2 **klād-ti* (русск. *класть*) → N^2 **klād-t-os* (-*dt-* > -*st-*, лит. *klōstas* „циновка, подстилка“) → V^3 **klāst-īti* (лит. *klōstyti* „расстилать“) и т. д.

Приведенная модель с полной очевидностью показывает, что глагол *кладу*, *класть* был образован от существительного *клад(ѣ)* независимо от того, как мы воспринимаем деривационные отношения между этими словами в современном русском языке.

²⁵ Во 2-м издании словаря (1971 г.) соответствующая статья была исправлена.

²⁶ Последние примеры из этой модели являются балто-славянскими лишь в ареальном, а не в хронологическом отношении.

Много споров вызвал и до сих пор вызывает вопрос о происхождении славянских прилагательных с суффиксом *-ѣк-* (тип *сладѣкъ, узѣкъ, гладѣкъ* и т. п.). До настоящего времени остается неясным вопрос о производящей основе этих прилагательных. Их возводят то к существительным (*ловкий* от *лов*, *бойкий* от *бой*), то к глаголам (*гладкий* от *гладить*, *зѣбкий* от *зѣбнуть*), то, наоборот, глаголы возводят к прилагательным с суффиксом *-ѣк-* (*гладить* от *гладкий*)²⁷. Этот „деривационный разнобой“ отрицательно сказывается на разработке самых различных разделов исторической грамматики славянских языков. Так, например, В. В. Колесов, касаясь прилагательных рассматриваемого типа, пишет: „Установление исходных акцентных типов в данном случае усложняется почти последовательной утратой словообразовательных связей с производящими словами...“²⁸

Второй вопрос, продолжающий вызывать споры, — это вопрос о первоначальном значении суффиксального *-к-* у прилагательных типа *гладѣкъ*. Споры на этот счет ведутся уже около ста лет²⁹, а вывод одного из авторитетнейших исследователей данного вопроса П. Арумаа далеко не оптимистичен: каково было первичное значение суффикса **-k-* у данных образований — трудно сказать³⁰.

Между тем, в некоторых работах последнего времени по поводу значения суффиксального **-k-* высказывались точки зрения, которые, нужно полагать, являются ошибочными. Так, в „Этимологическом словаре русского языка“ Г. П. Цыганенко (Киев, 1970 г.) о прилагательном *цепкий* говорится следующее: „Образовано с помощью суф. *-ѣк-*, указывающего на склонность предмета к тому действию, которое обозначено в производящей основе (как *ломкий*), от глагола *цепити*“ (стр. 529). Следовательно, по мнению автора словаря, общая семантика прилагательных типа *ломкий*, *цепкий*, *варкий* и т. д. привносится посредством суффикса *-ѣк-*. Фактически это признают, хотя и косвенно, Н. М. Шанский, возводящий прилагательное

²⁷ Грамматика современного русского литературного языка (Москва, 1970) рассматривает данный вопрос только с точки зрения так называемого „синхронного словообразования“, касаясь мотивации прилагательных на *-кий* в современном русском языке и оставляя в стороне реальные словообразовательные процессы.

²⁸ В. В. Колесов, Именная акцентуация в древнерусском языке. Докторская диссертация, Ленинград, 1969, 529.

²⁹ Подробная сводка разных точек зрения по данному вопросу приведена в интересной статье: П. С. Сигалов, О прилагательных с суффиксом *-к-*, — Труды по русской и славянской филологии Тартуского гос. университета, XVII лингвистическая серия, вып. 266, Тарту, 1971, 97—101.

³⁰ P. Aruma, Sur l'histoire des adjectifs en *-u-* en balto-slave. Slaviska inst. vid Lunds univ. Årsbok 1948—49, Lund, 1951, 40—41.

бойкий к существительному *бой*³¹, и А. И. Корнев, считающий, что прилагательное *бойкий* было образовано от глагола *бити* с помощью суффикса **-k-* и перегласовки в корне (**ei / *oi*)³².

Сопоставление ст.-слав. СЛАДЪКЪ с лит. *saldùs*, ГЛАДЪКЪ — с *glodùs* и с некоторыми другими индоевропейскими соответствиями привело ученых к выводу о том, что древние праславянские прилагательные с основой на **-u-* были устранены посредством присоединения к **-u-* основе суффиксального **-k-*³³. В то же время прилагательные с основой на **-u-* засвидетельствованы в хеттском, древнеиндийском, древнегреческом, германских, кельтских и других индоевропейских языках. Особенно широко представлен этот тип прилагательных в литовском языке. Между тем несколько изолированных примеров с балто-славянскими соответствиями, которые обычно приводятся в работах славистов (как правило, это все те же СЛАДЪКЪ — *saldùs* и ГЛАДЪКЪ — *glodùs*), не могут дать ответа на вопрос о судьбе праславянских прилагательных с основой на **-u-*. Даже Р. Эккерт, которого упрекали в завышении количества реконструируемых им праславянских образований с основой на **-u-*, приводит в своем фундаментальном исследовании только 6 прилагательных на *-ѣкѣ*³⁴.

Обратимся теперь к материалу литовского языка. Выше уже неоднократно говорилось о том, что древнейшая модель славянских языков в структурном плане является производной по сравнению с моделью балтийской. Конкретно в области словообразования эта особенность проявляется в том, что во многих случаях литовский (resp. балтийский) язык сохраняет простую основу при наличии на славянском ареале только производных суффиксальных форм. Например: лит. *avis* — ст.-слав. ОВЪ-ЦА, лит. *lóna* „кровать“ — болг. *лáвица* „скамья“, ср. также лит. *vijà* „веревка или канат, скрученный с проволокой“ — русск. диал. *вица* „прядь, свитая из нескольких нитей“, лит. *gijà* „прядь, нить (в основе для тканья)“ — болг. *жѝца* „нить, проволока“ и т. п. (в славянских примерах всюду — уменьшительный суффикс **-k-*).

³¹ Этимологический словарь русского языка, I, вып. 2, Автор-составитель Н. М. Шанский, 1965, 152.

³² А. И. Корнев, Историко-этимологические разыскания в области семантики русских глаголов (*бить*, *брить*, *бросать* и однокоренные с ними слова). Кандидатская диссертация, Ленинград, 1971, 42–43.

³³ Н. Hirt, *Indogermanische Grammatik*, III, Heidelberg, 1927, 117; А. Мейе, *Общеславянский язык*, Москва, 1951, 279; F. Specht, *Zur Bildung der adjektivischen u-Stämme*, — KZ 65 (1938) 203–204. П. С. Сигалов справедливо замечает, что не все прилагательные с основой на **-u-* были устранены и что суффикс **-k-* присоединялся к прилагательным не только с **-u-* основой (ук. соч., 97).

³⁴ Р. Эккерт, Основы на *-й-* в праславянском языке, — Ученые записки Института славяноведения АН СССР, XXVII, Москва, 1963, 87–110.

Та же самая картина, отражающая вторичный характер славянской модели, наблюдается и у прилагательных с суффиксом -ѣк-:

<i>Русский язык</i>	<i>Литовский язык</i>
<i>варкий</i>	— <i>varùs</i> „варкий“,
<i>гладкий</i>	— <i>glodùs</i> „гладкий, плотно прилегающий“,
<i>гладкий</i> (диал.) „гладкий“	— <i>glaudùs</i> „гладко прилегающий“,
<i>ѣдкий</i>	— <i>édùs</i> „едкий“,
<i>ѣмкий</i>	— <i>jamùs</i> (диал.) „вместительный“,
<i>жалкий</i>	— <i>gèlùs</i> „болезненный, неприятный“
<i>колкий</i>	— <i>kalùs</i> „ковкий“ и (с <i>s-mobile</i>) <i>skalùs</i> „колкий“,
<i>лѣпкий</i> (диал.) „цепкий“	— <i>laipùs</i> „искусно лазающий“,
<i>липкий</i>	— <i>lipùs</i> „липкий, клейкий“,
<i>ловкий</i>	— <i>lavùs</i> „ловкий“,
<i>меткий</i>	— <i>metùs</i> „хорошо бросающий“,
<i>носский</i> ³⁵	— <i>našùs</i> „продуктивный, плодовитый“,
<i>рѣзкий</i>	— <i>raižùs</i> „резкий (голос, свет)“,
<i>сладкий</i>	— <i>saldùs</i> „сладкий“,
<i>торопкий</i>	— <i>tarpùs</i> „спорый (о работе)“.

С тем же самым явлением мы сталкиваемся в словах, которых нет в русском языке, но которые засвидетельствованы в других славянских языках: чеш. *lupký*, польск. *lupki* — лит. *lupùs* „легко сдираемый“, серб.-хорв. *бѣдак* „колючий“ — лит. *badùs* то же, серб.-хорв. *крѣшак* „хрупкий, ломкий“ — лит. *krušùs* то же. Даже в сравнительно поздних заимствованиях наблюдается выравнивание по той же самой модели: русск. *мылкий* — лит. *tuilùs*.

Приведенные лишь выборочно наиболее простые примеры³⁶ позволяют сделать следующие выводы, относящиеся как ко всей модели в целом, так и к большинству конкретных случаев.

1) Производящей основой славянских прилагательных с суффиксом -ѣк- были не глаголы и не имена существительные, а праславянские прилагательные с основой на *-и-.

2) Прилагательные с *-и-основой были представлены в праславянском (на ранней стадии его развития) не единичными изолированными примерами, а составляли значительную продуктивную группу.

³⁵ Ср. *ноская курица* „носящая по многу яиц, плодовитая“ (Даль, II, 538).

³⁶ Из всего приведенного здесь списка в указанной выше работе Р. Эккерта отмечаются лишь прилагательные *гладкий* и *сладкий*.

3) Суффикс *-ък-* (точнее **-k-*) не имел значения склонности лица или предмета к действию, обозначаемому соответствующим глаголом, ибо это значение имели уже прилагательные с **-и-*основой, не осложненные суффиксальным **-k-*.

г) Лексика

Балто-славянские лексические изоглоссы свидетельствуют об исключительной близости этих языков в области лексики. При всех недостатках словаря Р. Траутмана (*R. Trautmann, Baltisch-slavisches Wörterbuch, Göttingen, 1923*), нужно отметить, что он дает наглядное, „зримое“ представление об общности балто-славянской лексики. Ни с одной другой группой индоевропейских языков славянские языки не имеют столь значительного числа лексических изоглосс, как с группой балтийской.

Важно подчеркнуть, что эти изоглоссы охватывают большое количество глаголов, означающих различные трудовые действия, причем многие из этих глаголов не имеют близких (или вообще никаких) соответствий за пределами балто-славянского ареала³⁷. В любой конкретной области, связанной с производством, мы можем обнаружить целые „пучки“ балто-славянских изоглосс. Взять хотя бы лексику, связанную с древней металлургией. Здесь изоглоссы, часто эксклюзивные, будут охватывать названия металлов (русск. *железо* — лит. *geležis*, др.-прусск. *gelso*, лтш. *dzēlzs*; русск. *серебро* — лит. *sidābras*, др.-прусск. (acc. sing.) *sirablan*, лтш. *sidrabs*; русск. *свинец* — лит. *švīnas* „свинец, цинк“, лтш. *svīns* „свинец“; русск. *олово* и *ловь* — лит. *alvas*, лтш. *alvs*, др.-прусск. *alwis* „олово“; русск. *золото* — лтш. *zēlts* „золото“³⁸), название угля (русск. *уголь* < ЖГЛЬ < **anglis* — лит. *anglis*, др.-прусск. *anglis* „уголь“), молота (др.-прусск. *кми* — лит. *kūjis*), некоторых трудовых процессов (др.-прусск. *литу* — лит. *liėti* „лить (металл)“) и т.д.

Вторичный характер древнейшей модели славянских языков в сравнении с балтийскими, в частности, проявляется в том, что этимология многих славянских слов раскрывается лишь при сопоставлении с балтийскими (чаще всего литовскими) словами. Это объясняется тем, что литовский язык сохранил большое число простых глаголов, проливающих свет на этимологию соответствующих производных имен, а в славянском эти глаголы часто оказываются утраченными. Кроме того, литовские слова во многих случаях сохранили более архаичные значения, которые в славянских языках были вытеснены более поздними вторичными значениями. Например, такие слова,

³⁷ Ряд примеров этого типа приведен в статье автора „Из истории балто-славянских лексических отношений“. См. *Baltistica* VII (1971) 119–121.

³⁸ Балто-славяно-германская изоглосса.

как ст.-слав. ЛѢЖКЪ (русск. *лук*) или ЛѢЖКА „изгиб“, не этимологизируются на славянской почве. Литовское же слово *laĩkas* „дуга, лук“ — это обычное производное глагола *leĩkti* „сгибать“. Таким же этимологически изолированным на славянском ареале является ст.-слав. РѢЖКА (русск. *рука*), в то время как лит. *rankà* образовано от *renkù* „собираю“ — с обычным индоевропейским чередованием *e / *o (балт. e/a)³⁹. Ст.-слав. БѢСЪ также не имеет славянской этимологии, но лит. *baisùs* „страшный, ужасный“, *baisà* „страх“, *baĩdas* „пугало, страшилище“ и другие родственные слова делают слово БѢСЪ этимологически „прозрачным“.

Нужно сказать, что литовский (и вообще балтийский) материал таит в себе еще немало неиспользованных возможностей для этимологизации русских (славянских) слов. Ярким подтверждением этому может служить оригинальная новая этимология слова *срам(ъ)*, предложенная Б. А. Лариным⁴⁰. Эта этимология базируется, с одной стороны, на семантическом анализе примеров типа *мраз, мороз — мразь, мерзкий, студ, стужа — стыд, стыть — (но)стылый*. С другой стороны, свое материальное осуществление этимология Б. А. Ларина получает благодаря сопоставлению слова *срам(ъ)* с лит. *šarmà* „иней“, сохранившим более архаичное значение по сравнению с русск. *срам(ъ)*. Можно сослаться также и на новую этимологию слова *рамень*⁴¹, в которой весьма существенное место занимает сопоставление с лит. *armiõ* „пашня“ (acc. sing. *aĩmenĩ*). По-видимому, немалое количество славянских слов может получить дополнительное этимологическое освещение, а в ряде случаев — и новое этимологическое истолкование, при более широком привлечении материала балтийских языков и их диалектов.

Заключение

Рассмотренные выше примеры из области исторической фонетики, морфологии, словообразования и лексикологии свидетельствуют об исключительной важности литовского (и шире — балтийского) материала для праславянских реконструкций в каждой из этих областей. Очевидная генетичес-

³⁹ На этом основании некоторые ученые даже допускали, что слово *рука* представляет собой балтийское заимствование в славянских языках. См. J. Rozwadowski, O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich, — RSI V (1912) 35; С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, Москва, 1961, 92; Лексічныя балтызмы ў беларускай мове (Матэрыялы для абмеркавання), Мінск, 1969, 47.

⁴⁰ Б. А. Ларин, Из славяно-балтийских лексикологических сопоставлений, — Вестник ЛГУ, 1958, 14, вып. 3, 150—158.

⁴¹ Ю. В. Откупщиков, О происхождении слов *рамень* и *раменье*, — Вопросы общего языкознания, ЛГУ, 1965, 88—96.

кая близость литовского языка к русскому и другим славянским языкам является причиной того, что его значение для сравнительно-исторических исследований по славистике можно сравнить разве лишь со значением древнеиндийского языка для иранистики. В то же время исключительная архаика литовского языка делает его *mutatis mutandis* почти столь же важным для слависта, сколь важным для романиста является латинский язык.